

ГОРКИ ПРАВОСЛАВНЫЕ

«...Жалость – драгоценность наша, и искоренять ее из общества страшно. Когда общество перестанет жалеть слабых и угнетенных, тогда ему же самому станет плохо: оно очерствеет и засохнет, станет развратно и бесплодно...»

(Достоевский, Дневник писателя)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ МОСКОВСКАЯ ЕПАРХИЯ
ВНДНОВСКОЕ БЛАГОЧИННІЕ ХРАМ ПЕРВОСВЯТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ

«ТО, ЧТО ДЕЛАЕТ ЖИЗНЬ – ЖИЗНЬЮ»

(Игумен Нектарий (Морозов), Источник: Православие.ru)

О том, как быть, если нам неинтересны окружающие люди, и чем безразличие отличается от бесстрастия, размышляет игумен Нектарий (Морозов).

Отвлечься от молитвы за весь мир?

Всем нам так или иначе знакомы жития святых, и мы задумываемся о том, в чем могли бы подражать им. Если всмотреться внимательно, можно увидеть, что благодать Божия никогда не упраздняла в человеке тех качеств характера и индивидуальных душевных свойств, которые были присущи ему первоначально. Причем святые, как мы знаем из церковной истории, на основании этих различий и разных взглядов порой даже вступали в конфликты с другими святыми, как, например, в случае со святителем Епифанием Кипрским и святителем Иоанном Златоустом. Были угодники Божии тихие и неприметные, были – ревностные и темпераментные, были среди них более мягкие и более суровые, более молчаливые и более общительные люди. Но, наверное, не было среди них никого, кто никогда бы не ошибался – и в то же время, и это совершенно ясно, не было никого, кто был бы человеком равнодушным.

Думаю, что равнодушие можно назвать одним из немногих качеств, со святостью несовместимых совершенно. И это связано с тем, что на самом деле равнодушие есть то, что дает возможность сказать о человеке, что он в принципе живет, а не просто совершает какие-то действия, что-то потребляет и что-то производит. Именно равнодушие делает нашу жизнь – жизнью.

Когда мы говорим о равнодушии святых и верующих людей в принципе, можно, наверное, выделить три вида его проявления. Это равнодушие к окружающим и просто случайно встреченным в жизни людям, равнодушие к тем делам, которыми доводится заниматься, и, наконец, равнодушие к жизни как таковой – к ее многообразным проявлениям. И опять-таки всё это вкупе мы можем увидеть в жизни христианских подвижников.

Действительно, мы знаем некоторых преподобных, которые сознательно не общались с людьми, избегали их. Но даже среди пустынножителей таковыми были очень немногие, и это были подвижники, достигшие очень высокой духовной меры, сердце которых было уже до краев наполнено любовью, так что охарактеризовать их отношение как равнодушие было никак нельзя. Достаточно вспомнить пример преподобного Арсения Великого, который, как повествуется в патерике, по каким-то внутренним причинам не принял желавших побеседовать с ним людей, проделавших путь из далеких краев, но на протяжении всего того времени, пока они в эти далекие края возвращались – шли, останавливались на привалы, спали, – не смыкая глаз, молился о них, дабы им благополучно достигнуть дома. Такова была мера его заинтересованности в них и его заботы о них.

Это что касается отношения к людям. Но и в отношении дел мы видим то же самое. В жизни многих святых можно увидеть пренебрежение к обстоятельствам собственного быта, но мы не найдем там попустительского отношения к своим обязанностям и делам. Мы не отыщем в их жизни

и равнодушного отношения к природе, ко всему живому. Вспоминается, как преподобный Паисий Святгорец в одной из бесед с кем-то рассказывал, что оказывает послушание котенку: он скребется в дверь – и, значит, нужно оставить все дела и его покормить. И вот такие мелочи в окружающей нас жизни святые непременно замечали. И это не отвлекало их от молитвы за весь мир, а напротив, делало их жизнь такой, какой она и должна быть, чтобы достигнуть Царствия Небесного.

«Я просто очень много работаю...»

Отчего равнодушие внутри нас рождается? Думаю, что можно назвать две главные причины. Это усталость физическая или эмоциональная либо это заикленность на себе. В тяжелых случаях, конечно, бывает и не разобрать уже: человек и от своих проблем отвлечься ни на минуту не может, себя безмерно жалеет, с собой носится, и в то же время его это хождение по замкнутому кругу, закрывшее его сердце для других людей, уже довело и до эмоциональных нарушений, и до физического недомогания.

А чтобы до этого не дошло, очень важно бывает поймать тот момент, когда мы вдруг безразлично отнеслись к чему-то, и сразу задать себе вопрос: «Что со мной происходит?» Возможно, мы обнаружим, что переутомлены и что лучше сейчас выкроить какое-то время для отдыха, чем бороться потом с симптомами хронической усталости. Возможно, у нас что-то болит, но мы на эту боль пытаемся не обращать внимания – а нужно обратить. А может быть, мы сделали первый шаг в сторону какого-то нехорошего духовного состояния, и нам нужно срочно собой заняться, чтобы в него не сползти окончательно.

Но всё это только в том случае, если мы обычно бываем неравнодушными. А бывает иначе: человек просто выдает себе некое внутреннее разрешение не обращать внимания на других людей, не откликаться на то, что происходит вокруг. И в наше время это часто звучит так: «Я просто очень много работаю...». Можно сказать, что в абсолютном большинстве случаев, если с таким человеком начать разбираться в его жизни, выясняется, что он от работы находится в нездоровой зависимости, она является для него способом ухода от проблем.

Еще одно высказывание, специфичное для церковных людей: «Я не равнодушный – я просто стремлюсь к бесстрастию». Хорошо, но мы сейчас это проверим. Ты сохраняешь бесстрашие, когда дело касается чужих бед, чужой жизни, – а когда дело коснется тебя самого, ты останешься столь же бесстрастным? Если нет, то это и не бесстрашие вовсе. Впрочем, и если да – то во многих случаях это тоже не бесстрашие, а уныние, дошедшее до того, что человеку безразлично происходящее не только с другими людьми, но и непосредственно с ним.

А бывает еще, что человек говорит: «Да я хотел помочь...», но никому ничего хорошего почему-то сделать не может. А причина здесь опять-таки в том, что в глубине души человек равнодушен и не желает себе в этом признаться. Безразличие усыпляет душу, и человек видимым образом вроде бы бодрствует, что-то активно делает, но на самом деле он спит. Он будто бы живет в избушке в глухом лесу. И пока его какие-то внешние раздражители, побуждающие проявить участие, из этого сна более-менее выведут, пока он раскачается, чтобы выйти из этого леса, уже приходят на помощь другие либо помощь становится не нужна. И на это сверху накручивается: «Я с детства такой невнимательный...», «Я трудно вхожу в контакт с людьми...». И можно, конечно, этому посочувствовать, но есть один интересный нюанс: если того же самого человека поместить в ситуацию, когда над ним нависнет угроза реальных, серьезных неприятностей, он тут же станет внимательным, памятьливым, понятливым и общительным. И куда только всё «врожденное» денется...

Или другой способ проверки, попроще: если у нас валится из рук практически всё, но при этом очень хорошо получается нечто, что нам нравится, – значит, дело опять-таки не в «криворукости», не в рассеянности, не в отсутствии дарований. А дело просто в том, что мы настолько возвеличили свой интерес и настолько позволили всему остальному протекать для нас в фоновом режиме, что образовался этот чудной диссонанс.

«В каждой бочке затычка»?

Что же может помочь нам в борьбе с равнодушием?

Прежде всего – осознание и доведение до глубины своего сердца того, что, **оставаясь безразличными, мы в принципе не можем исполнить Евангелие.** Невозможна любовь к кому-то – к Богу и близким людям – и равнодушие ко всем остальным. Сердечная внимательность, если она есть в человеке, проявляется во всем. Когда свеча в храме наклоняется и падает с подсвечника, то и это очень характерно проявляет стоящих поблизости от него людей: кто-то успевает метнуться и эту

свечку поймать, кто-то с запозданием, но делает какое-то движение, а кто-то задумчивым немигающим взглядом на всё это смотрит. И это на самом деле не мелочь – это говорит о том, воспринимает ли человек происходящее вокруг как нечто касающееся лично его, или же он воспринимает себя отдельно, а храм и происходящее в нем – как что-то изолированное, само по себе существующее. И в этом случае есть большая опасность самого себя «изолировать» и от Бога, оказаться чуждым Ему – ведь Господь живет единой жизнью со всем, что Он сотворил, а точнее, всё это живет и пребывает в Нем. Начинать войну с равнодушием необходимо, как обычно, с малого, с ситуаций повседневных, хорошо нам знакомых – житейских, бытовых. Мы знаем, чего хотим сами: хотим, чтобы окружающие любили нас, были внимательными, предупредительными, приходили нам на помощь тотчас, как нам это понадобится. И того же самого желает, вне всякого сомнения, большинство наших ближних. Нужно просто уметь (а точнее, учиться) замечать: кого необходимо поддержать, когда он оступился, кому помочь донести до дома тяжелую сумку, кого накормить, кого подбодрить... И так же в храме: в чем требуется наше участие, чем мы можем быть полезны. Да и не только в храме – а и везде, и всегда. И, я думаю, не стоит бояться оказаться чрезмерно включенным во всё. Бывает, конечно, что и это – патология, основанная на том, что человек до крайности преувеличивает свою значимость для всех окружающих его людей и во всех делах. Однако бывает и другое: элементарная боязнь стать, как в народе говорят, в каждой бочке затычкой. Но, знаете, лично для себя я пришел к такой мысли: в наше время, когда любое искреннее человеческое участие – это большой дефицит, лучше не вспоминать про бочки и затычки. На самом деле, являясь настоятелем храма, со всеми сопряженными с этим обязанностями и трудностями, я привык радоваться любому неравнодушному человеку – даже если он порой глупости какие-то совершает, даже если он больше под ногами путается, чем действительно что-то делает. И на душе теплее после общения с человеком, который пусть и включен во что-то неразумно, но включен. Как и Господь устами Своего апостола Иоанна Богослова говорит о том, что лучше быть горячим, чем теплохладным (ср. Откр. 3, 15–16).

Да, горячим, неравнодушным быть трудно, зачастую – больно, подчас – страшно. Но повторяю: только будучи таким, можно жить по-христиански, да и вообще – жить.

телефон храма: **8-925-353-00-75** сайт: **1svt.ru** электронная почта: **1svt@bk.ru**

БРАТЯ И СЕСТРЫ!

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЦЕРКОВНЫЙ ЛИСТОК В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ НУЖДАХ.